

МИАНА

КОД

книга первая

18+

Миана Кафи

КОД

Серия «КОД», книга 1

<https://litres.ru/73856553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ида Лёдова лучший детектив в отделе «Кибер-алхимия». Лёд, за которым нет промахов.

20 лет она идёт по следу хакера-призрака, но он не оставляет следов, только код, который невозможно расшифровать и подпись «ТОК».

Его код способен взламывать не только системы, но и человеческие души.

Она думает, что наконец-то поймала его.

А он думает только об одном, как коснуться её.

Игра, в которой проигравший получает больше, чем победитель.

«Ты искала меня двадцать лет, Ида. А я искал тебя всю жизнь».

Встреча назначена.

Приходи одна.

(С иллюстрациями.)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

КОД

Глава 1

Допрос заканчивался тишиной, так же, как и начинался.

Ида сидела напротив человека, которого официально называли «субъектом» и неофициально «мусором». Евгений Польский, тридцать один год, три судимости, пальцы в синяках от магнитных браслетов. Он смотрел в стол и думал, что молчание его спасёт.

Она дала ему ещё тридцать секунд.

Потом медленно положила ладонь на стол, как кладут не руку, а приговор.

— Польский. Ты два часа говоришь, что ничего не знаешь про «Нейронные зеркала». Хорошо. Я тебе верю.

Он поднял глаза и это было ошибкой.

— Но вот в чём штука. — Ида повернула к нему планшет. — Ты был в секторе С9 в ночь с тринадцатого на четырнадцатое. Тут твой жетон метро, три геометки и звонок матери в 23:47. А в С9 в ту ночь подключили нелегализованный ретранслятор класса «Зеркало». Просто совпадение, я понимаю.

Польский сглотнул.

— Так что давай по-другому. Не про «Зеркала», окей. Ты про «ТОК» что-нибудь слышал?

И вот тогда он вздрогнул.

Едва заметное движение, плечо чуть сжалось, пальцы дёрнулись к запястью. Ида это увидела. Она всегда видела такие вещи, не потому что умная, а потому что давно перестала смотреть на людей как на людей. Теперь они были для неё системами. Со своими сбоями.

— Не слышал, — сказал он.

— Конечно.

Она встала. Застегнула верхнюю пуговицу пиджака, всегда расстёгивала одну, когда входила в комнату допроса, не понимала почему, просто привычка, и направилась к двери.

— Лёдова.

Польский говорил тихо, почти беззвучно.

— Если вы ищете «ТОК»... — Он не договорил и сглотнул. Потом всё-таки договорил: — Это не человек. Это не группировка. Это... я не знаю, что это. Но те, кто с ним работал, они потом не те.

— В каком смысле — не те?

— Пустые, — сказал он. — Как будто кто-то вытащил что-то изнутри.

Ида посмотрела на него ещё секунду. Потом вышла.

В коридоре она остановилась у окна. Лампы едва слышно гудели, где-то вдалеке хлопнула дверь. За стеклом раскинулся серый осенний город: дождь гнал людей под зонты, загонял в метро, в кафе, в чужие объятия. Ида прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза — всего на пять

секунд. Ровно столько, чтобы вернуть контроль. Затем снова стала собой — Идой Лёдовой.

«Пустые» Это слово она знала слишком хорошо.

Двадцать лет назад она тоже стояла у окна. В больничном коридоре и смотрела, как дождь смывает следы с асфальта. Тогда она думала, что, если бы была старше, если бы понимала тогда, если бы...

Отдел «Кибер-Алхимия», специализированное подразделение по расследованию преступлений с использованием зашифрованного нейро-кода, располагался в деловом центре города, на 17 этаже в одном из небоскрёбов с панорамными окнами. Рабочее место Иды было у дальней стены, за стеклянной перегородкой. Никаких лишних предметов на столе: линзы в футляре, кружка с холодным кофе, которую она забывала выпить каждое утро, папка с делами.

Она надела линзы и мир сразу изменился.

Это трудно объяснить тем, кто никогда не работал с техномагической визуализацией. Примерно как объяснять цвет слепому, можно говорить про длину волны, но это не то. Линзы вскрывали структуру. Поверх обычного сине-серого офиса возникала другая реальность: светящиеся нити тянулись от точки к точке, пульсировали там, где связь была сильной, почти гасли там, где след обрывался. Каждое расследование — это паутина. Ида плела её в воздухе, двигая пальцами, перетаскивая узелки-улики, разрывая ложные связи.

Дело «Польский» она закрыла за восемь минут. Субъект

мелкий, никому особо не нужный. Передать в следственный отдел, пусть разбираются сами.

— Ида Сергеевна.

Она обернулась. Молодой стажёр, кажется, Павел, протягивал ей папку. Руки его слегка дрожали, он уже слышал, что из её кабинета выходят не люди, а тени.

— Новое дело, гриф «особой важности». Шеф сказал, только вам.

Она взяла папку, не глядя на него и начала читать без особого интереса — ещё один нелицензированный код, ещё один пострадавший. Стажёр замялся, но не уходил.

— Что-то ещё? — спросила она, не поднимая глаз.

— Там... там правда важно. Жертва — важная фигура. Говорят, почерк похож на преступления двадцатилетней давности. Те самые, которые вы...

Она подняла на него взгляд серых, холодных, как вода в проруби, глаз.

— Которые я?

Он побледнел и исчез. Ида прочла ещё раз. Потом сняла линзы и прочла третий раз, уже просто глазами, просто текст, просто буквы.

Гриф, подписи, даты.

Код типа 7Ф.

Ида не дышала примерно десять секунд. Код типа 7Ф она видела один раз в жизни. В деле, которое официально было закрыто, неофициально засекречено.

Код 7Ф — это не просто взлом системы, это взлом человека. Он работает через нейронные интерфейсы, через те самые линзы, через импланты дополненного восприятия. Проникает, пока ты смотришь на мир через магический слой. Что именно он делает официально неизвестно. Неофициаль-

но — перезаписывает что-то в структуре личности. Что-то глубокое, что даже сам человек не замечает сразу.

Ида долго смотрела на экран.

Потом перешла к прикрепленным файлам.

Фотография мужчины лет пятидесяти, бесцветные глаза.

Она узнала его. Андрей Воронов, 52 года. Биофизик, специалист по нейро-интерфейсам. Работал в лаборатории двадцать лет назад. Видел код и возможно знал, кто его запустил. Молчал всё это время.

Снимки с места. Квартира обычная, ничего особенного, никаких следов проникновения. Только на стене над рабочим столом что-то написано. Маркером, крупно и неровно, будто в спешке или может быть даже в трансе.

Она увеличила снимок.

На стене было одно слово.

ТОК.

Ида перевернула страницу. Перед ней лежал отчёт с места происшествия.

Квартира в старом доме. Поражала стерильная чистота, словно помещение специально подготовили к осмотру. На кровати лежало тело мужчины. По всем показателям он был жив и здоров: дыхание ровное, пульс стабильный, все физиологические функции в норме. Но взгляд устремлён в стену, на вопросы он не реагировал. Пустой.

Соседка обнаружила его утром: обеспокоенная тем, что он не открыл дверь, она вызвала полицию. Дверь оказалась

заперта изнутри. Система умного дома функционировала в автономном режиме, сбоев не обнаружено, никаких внешних вмешательств на первый взгляд не было. Но код проник именно через неё: не через имплант, не через прямое подключение, а опосредованно — через сеть. Невидимая атака, оставляющая видимый след в сознании жертвы.

Ида закрыла папку и направилась в общий зал. Помещение было пустым, лишь мониторы тихо гудели, высвечивая схемы, коды и карты города. Эти изображения она перебирала сотни раз, но сейчас они казались особенно чужими, словно потеряли привычную логику.

Она подошла к доске, где висели материалы старых дел. Взгляд скользил по датам, отметкам, фотографиям — всему тому, что составляло двадцать лет её поисков. Двадцать лет тупика. Двадцать лет погони за следом, который неизменно обрывался в пустоте. Каждый раз всплывал один и тот же код, каждый раз на месте имени зияла пустота.

Ида всмотрелась в фотографии, которые знала наизусть. Лица, когда-то живые и полные мыслей, теперь растворились в пустоте. Глаза, прежде отражавшие эмоции, перестали видеть мир — они смотрели сквозь него, будто за грань реальности. И среди всего этого хаоса было одно имя, которое не исчезало из её памяти.

Воронов.

Он значился в списке сотрудников лаборатории, работал рядом с её отцом. В памяти всплыли обрывки разговоров,

намёки, недосказанные фразы — всё то, что теперь обретало новый смысл.

Она сжала лист бумаги, который держала в руках. Это была старая фотография: лаборатория, группа людей в белых халатах. В центре стоял её отец, тогда он был ещё молодым, с горящим взглядом. Тогда он искренне верил, что код способен спасти жизни, облегчать страдания, открывать новые горизонты. Чуть позади, в тени, стоял Воронов, он выглядел спокойным и сосредоточенным, с едва заметной улыбкой, в которой читалось что-то неуловимо тревожное.

Он знал больше, чем говорил. И молчал двадцать лет.

Теперь он замолчал навсегда.

Её вызвали к шефу через час.

Шеф сидел за столом и перебирал бумаги. Он даже не поднял головы, когда Ида вошла в кабинет. В воздухе витало едва уловимое напряжение.

— Воронов — значимая фигура, Ида, — произнёс он негромко, всё ещё не глядя на неё. — Он мог пролить свет на старые дела, дать ответы, которые мы ищем уже много лет. Теперь он ничего не скажет.

— Я знаю, — коротко ответила Ида, стараясь сохранить ровный тон.

— Дело зашло в тупик, — шеф наконец поднял голову и посмотрел на неё. В его взгляде читалась усталость, смешанная с тревогой. — Мы не можем больше рисковать. Слишком многое поставлено на кон. Я отправил запрос на привле-

чение оперативно-следственной группы.

Ида молча смотрела на его руки, он продолжал машинально перебирать листы, будто это помогало собраться с мыслями. Она знала: каждое решение даётся ему нелегко, особенно когда речь идёт о делах с грифом «особой важности».

— Мне не нужна группа, — твёрдо сказала она.

Шеф отложил бумаги и теперь смотрел на неё в упор, пристальным, изучающим взглядом, словно пытался прочесть что-то в её глазах.

— Код типа 7Ф, Ида, — произнёс он медленно, выделяя каждое слово. — Он снова здесь. Спустя двадцать лет кто-то его активировал, и Воронов опустел.

Шеф сделал короткую паузу, давая ей осознать сказанное.

— Ты ведь понимаешь, что это значит?

Она, конечно, понимала, в груди что-то сжалось. Код 7Ф не мог вернуться случайно. Его активация означала одно: кто-то целенаправленно ведёт свою игру, и ставки в ней — человеческие судьбы.

— Теперь ты не одна, Ида, — повторил шеф, и в его голосе прозвучала непривычная мягкость. — Мы возьмём это под контроль. Ты не должна тащить всё на себе.

Ида чуть склонила голову, принимая его слова, но в глазах по-прежнему читалась решимость. Она знала: какими бы ни были ресурсы группы, это расследование она должна довести до конца. Лично. Потому что за ним не просто преступление. За ним — ответы на вопросы, которые мучили её два

десятилетия.

Ночь опустилась на город бесшумно, окутав улицы тёмным покрывалом. Ида сидела в своём кабинете, не зажигая света, лишь экран её личного ноутбука отбрасывал бледный свет на её сосредоточенное лицо. В сотый раз она пересматривала файлы из папки Воронова, вглядываясь в каждую деталь, будто надеялась отыскать то, что ускользнуло раньше.

Код завораживал. Ида ненавидела себя за эту мысль, но не могла её прогнать: код действительно был красив. Так пишут только те, кто чувствует его изнутри, кто видит не набор инструкций, а живую структуру. Этот код создали с любовью, с жестокой, извращённой любовью к своему ремеслу, где совершенство формы шло рука об руку с разрушительной силой.

Она надела линзы и погрузилась в работу, начиная ткать привычную паутину связей. Нити тянулись медленно, неохотно — дело оказалось сложным, улики разрозненными, а связи между ними едва угадывались. Ида двигала пальцами в воздухе, переставляла виртуальные узлы, подтягивала слабые ниточки ближе к центру. Постепенно хаотичный набор данных начал складываться в единую картину.

Пострадавший аналитик работал с материалами закрытого тендера — государственного проекта по строительству нового нейросетевого узла. На первый взгляд, обычная бюрократия, рутина. Но в структуре данных, с которыми он имел дело, скрывалось что-то ещё. Что-то, что не предназначалось

для его глаз, — однако он это обнаружил. Судя по рабочим логам, за три дня до инцидента аналитик внезапно переключился на другие файлы, начал изучать то, что не входило в его обязанности.

Искал что-то конкретное. Нашёл. И после этого опустел.

Ида сняла линзы и устало потёрла переносицу. Шрам на безымянном пальце левой руки начал гореть — едва заметный след от старого ожога, полученного в тринадцать лет, когда она впервые попыталась взломать защищённый сервер. Воспоминание мелькнуло и исчезло, оставив после себя лишь лёгкую горечь.

Она уже собиралась уходить: встала, потянулась, начала застёгивать пальто. И в этот момент заметила, что строка кода, которую она изучала, вдруг начала меняться. Буквы перестраивались сами собой, складываясь в новые сочетания. На экране появилась надпись:

«Ты ищешь меня двадцать лет, Ида. А я искал тебя всю жизнь».

Ида огляделась, но вокруг не было ничего подозрительного, только привычный интерьер кабинета, погружённый в полумрак. Когда она снова посмотрела на экран, послание уже исчезло. Код вернулся к прежнему виду, словно ничего и не происходило.

Но в самом низу страницы горели несколько строк, которых минуту назад там не было. Координаты, дата и время. Ида сразу узнала район: промышленная зона на северово-

стоке, старые кварталы, ещё не снесённые под новое строительство.

Завтра, 3:00.

Приходи одна.

Несколько мгновений она просто стояла вглядываясь в экран, будто надеясь, что сообщение исчезнет, окажется ошибкой системы. Но строки оставались на месте.

Затем Ида положила телефон в карман, застегнула последнюю пуговицу пальто и вышла из отдела. В лифте она была одна, только металлическая дверь отражала её собранный силуэт, готовый к чему угодно.

Отражение смотрело на неё строго, контролирующе. *Лёдова*. Всё правильно. Она Лёдова.

Она не спала всю ночь. Сидела в глубоком кресле у панорамного окна, неотрывно смотрела на город внизу. Огни отражались в стекле, множились и подрагивали, создавая причудливую игру света. Ноги она поджала под себя, а на коленях лежала старая фотография.

На снимке изображены две девочки, обнимающиеся на фоне моря. Одна смеётся, зажмурившись от солнца, её плечи подрагивают от искреннего веселья. Вторая, та что помладше, серьёзно смотрит прямо в камеру, будто уже тогда осознавала свою роль: быть опорой, защищать тех, кто рядом.

Ида провела пальцем по изображению младшей девочки. В горле встал ком. Она не защитила. Ни тогда, ни позже, ко-

гда это стало по-настоящему важно. Теперь *он* знал её имя. Знал, что она его ищет. Знал, где она живёт и уже доказал, что способен проникнуть куда угодно: в её ноутбук, в систему, возможно, даже в мысли. Он был везде, невидимый и всепроникающий.

И он звал её.

Ловушка? Наказание? Испытание?

Или что-то иное — то, от чего внутри всё холодело, стоило лишь на мгновение допустить эту мысль?

Глава 2

Ида приехала в 2:47, за тринадцать минут до назначенного времени. Она всегда прибывала раньше срока: нужно было изучить место, оценить пути отхода, заметить детали, которые могли бы выдать ловушку, прежде чем начнётся главное действие.

Чёрный матовый «Снегирь» она оставила в квартале от цели, в слепой зоне ближайшей камеры. Красная подсветка приборной панели погасла, когда Ида заглушила двигатель. Машина словно затаилась вместе с хозяйкой, растворившись в полумраке переулка.

Дальше пешком. Дождь моросил с утра, и асфальт блестел под тусклым светом фонарей, отражая жёлтые круги света и размывая тени.

Кварталы промзоны выглядели заброшенными. Старые цеха с выбитыми окнами, ржавые ворота, стены, покрытые слоями уличной живописи: поверх старых граффити — новые, поверх них — ещё один слой. Гдето над проломом в заборе красовалась реклама нейроинтерфейсов нового поколения. На плакате изображение девушки с золотистыми линзами, взгляд устремлён в горизонт. Подпись гласила: «Ты увидишь». Ида прошла мимо, даже не замедлив шага.

Корпуса стояли мрачные и пустые. Арматура торчала из стен, словно сломанные рёбра. Под ногами что-то хрустело: то ли битое стекло, то ли обломки пластика, то ли остатки чьих-то надежд. В воздухе смешались запахи сырости, ме-

талла и едва уловимой горечи старого масла.

Координаты привели её к третьему цеху. Металлические ворота оказались не заперты, просто прикрыты и чуть покачивались от порывов ветра, издавая тонкий скрип. Ида остановилась у входа, замерла на мгновение и прислушалась.

Тишина. Лишь ветер шелестел где-то внутри, да издали доносился гул города, тот самый, что никогда не умолкает полностью, лишь меняет тональность с наступлением ночи.

Она сделала глубокий вдох, поправила воротник пальто и шагнула внутрь.

Внутри было неожиданно светло, свет шёл от экранов. Их оказалось около двадцати, они были разных размеров, развешанных на стенах и на какой-то самодельной конструкции из труб под потолком. Все они светились, наполняя пространство холодным голубоватым отблеском.

На одних экранах запускался код: длинные строки зелёных символов в духе старой эстетики, которую давно перестали использовать. На других отображались карты города, схемы сетей, какие-то сложные структуры, напоминающие нейронные связи. Изображения сменялись, пульсировали, складывались в непонятные узоры, похоже было, что система непрерывно анализировала что-то, искала закономерности.

Посередине помещения стоял одинокий стул. Больше никакой мебели, только стул. Кто-то поставил его специально для неё?

Ида нащупала в кармане линзы, надела их и привычным движением в воздухе активировала режим визуализации. Ничего не произошло. Она моргнула, повторила жест, снова безрезультатно. Достала телефон, чтобы запустить систему вручную.

Линзы работали — это подтверждал короткий сигнал вибрации. Она убедилась, что система исправна. Но здесь, в этом пространстве, не было ни единой нити, никаких мерцающих узлов, ни одного следа или отпечатка. Просто ночь, бетон, заброшенные корпуса.

Кто-то основательно стёр себя из системы, уничтожил каждую запись, каждый байт данных, каждую возможность быть обнаруженным. Либо же что-то целенаправленно заглушало сигнал, создавая зону абсолютной цифровой тишины. Ида никогда раньше не сталкивалась с подобным эффектом: её линзы всегда улавливали хотя бы слабые следы активности, но здесь царила абсолютная пустота.

Она сняла линзы и аккуратно убрала их в футляр.

Хорошо. Значит, её сюда выманили. Вопрос — зачем?

Убить? Нет, слишком примитивно для того, кто умеет писать код класса 7Ф. Напугать? Тоже не похоже, ведь тот, кто создал эту инсталляцию из экранов, явно рассчитывал на более тонкий эффект. Показать что-то? Продемонстрировать возможности? Или проверить её реакцию?

Ида без спешки обошла помещение по периметру, действуя строго по методичке: осмотрела стены, проверила уг-

лы, отметила возможные пути отхода. Ничего. Затем заглянула в соседний корпус, но там обнаружила лишь провалившийся пол, запах металла и голубей, воркующих где-то под крышей. Тоже ничего.

Она вернулась ко входу и остановилась, вслушиваясь в тишину. Экраны продолжали мерцать за спиной, их свет отбрасывал странные тени на стены. Где-то далеко гудел город, но здесь, в промзоне, время остановилось. Ида сжала кулаки, пытаясь уловить хоть намёк на логику происходящего. Кто-то пригласил её сюда, и этот кто-то явно ждал определённого шага с её стороны. Оставалось понять, какого именно.

Она вернулась к машине. Нажав кнопку зажигания, несколько секунд просто сидела, держа руки на руле. Взгляд скользил по пустынной промзоне за лобовым стеклом — серые корпуса, мокрые от дождя тротуары, ни души вокруг.

Промзона пустая. Линзы не работали. Координаты, которые появились в её ноутбуке сами собой.

Всё складывалось в чёткую картину.

Он не хотел встречи, по крайней мере, не такой, какую она себе представляла. Он хотел, чтобы она приехала сюда и убедилась: он может проникнуть куда угодно, оставить след там, где его не должно быть, а потом стереть его без остатка. Показать, что он контролирует пространство и время, саму возможность быть обнаруженным.

Хорошо. Принято.

Ида развернула машину и направилась к дому Воронова.

Дом стоял на окраине, он был почти незаметным среди деревьев и старых гаражей. Здесь время замедлило ход, фасады домов хранили следы давно минувших веков, балконы с коваными перилами, вывески выцветшие до неразборчивости.

Квартира Воронова находилась в одном из таких зданий, в районе, который возвращал в прошлое. Четвёртый этаж, без лифта, деревянные лестницы, чуть скрипящие под ногами полы. Ида медленно поднималась, прислушиваясь к звукам: далёкий телевизор за стеной, шаги на верхнем этаже, гул вентиляции. Тишина здесь была уютной, наполненной дыханием чужих жизней, запахами еды и старых книг.

Дверь квартиры была опечатана. Ида без колебаний сорвала ленту, аккуратно, чтобы не оставить лишних следов, но решительно.

В квартире было темно, но Ида не стала щёлкать выключателем, достала фонарик. Узкий луч света скользнул по коридору, вдоль стен с отклеивающимися обоями, мимо старой вешалки с пустыми крючками. Затем на кухню: стол с чашкой, забытой на краю, раковина с парой тарелок.

Наконец луч направился в кабинет, туда Ида и прошла в первую очередь. Свет выхватил из темноты письменный стол, полки с книгами и папками, старый монитор на подставке. На стене висела схема нейронных сетей, частично зачёркнутая красным маркером. Рядом несколько фотографий в рамках, одна из них перевёрнута лицевой стороной к стене.

Ида сделала шаг вперёд, внимательно осматривая пространство. Каждый предмет мог быть подсказкой или ловушкой. Она медленно провела лучом по столу: бумаги, стикеры с заметками, ручка, лежащая так, будто её только что отложили. В воздухе витал слабый запах кофе и чего-то ещё, едва уловимого, металлического, напоминающего о коде, который проникает сквозь экраны и стены.

Она присела за стол, включила фонарик на максимум и задумалась о документах. Что искал Воронов перед тем, как опустеть? Что он нашёл, и почему это привело его такому финалу?

На стене над письменным столом всё ещё отчётливо виднелось слово «ТОК». Крупные буквы, нанесённые маркером, неровные, будто написанные в спешке или в состоянии крайнего напряжения. Ида подошла ближе, вглядываясь в надпись.

Давление маркера на стену менялось: начало чёткое и уверенное, затем линия стала прерывистой, рука явно дрогнула, сбилась, потом снова собралась, буквы вновь обрели форму. Похоже, Воронов писал это за несколько заходов. Возможно, терял сознание между ними, приходил в себя и возвращался к надписи, словно одержимый одной мыслью.

Ида надела линзы. На этот раз они заработали, изображение наложилось на реальность, открывая невидимое. От букв на стене потянулись тонкие нити — слабые, почти прозрачные, но отчётливо видимые в режиме визуализации. Она

провела пальцем вдоль одной из них, мысленно потянув её к столу.

Там, над поверхностью стола, мерцал плотный клубок связей с множеством ответвлений. Воронов работал здесь долго и упорно, оставляя множество цифровых следов. Ида начала аккуратно разбирать узлы, распутывать нити, прослеживая их траектории.

Взгляд скользнул по столу: документы, распечатки, папки. Судя по характеру нитей, это были архивные файлы — старые базы данных, к которым Воронов обращался систематически. Судя по интенсивности следов, он искал что-то ночами, несколько недель подряд, последовательно перебирая записи, углубляясь в архивы, словно знал, что ответ скрыт где-то там, в прошлом.

Потом он нашёл.

Одна из нитей от стола уходила к ящику. Ида открыла его. Пусто. Разумеется, место уже осматривали коллеги или те, кто пришёл раньше. Но нить не обрывалась: она тянулась дальше, под стол, к плинтусу.

Ида присела на корточки, провела рукой вдоль плинтуса. Там, в самом углу, обнаружился небольшой зазор, едва заметный, но тактильно ощутимый. Она осторожно поддела край пальцем. Плинтус слегка подался и отошёл, обнажая скрытую полость.

За ним лежал конверт.

Ида медленно достала его. Конверт был потёртый, без

марки или адреса, но на ощупь казался плотным, словно внутри что-то лежало. Она взвесила его в руке, ощущая вес содержимого.

— Ты нашла его быстро, — сказал кто-то за её спиной. — Я думал, уйдет минута вторая.

Для Иды это не было неожиданным, она уловила его присутствие ещё до того, как прозвучали слова: за несколько секунд до этого в воздухе что-то изменилось — едва заметное колебание температуры, лёгкий сдвиг в шуме дома, будто сама тишина стала плотнее. Только потом раздался голос.

Она медленно развернулась, стараясь не делать резких движений.

В дверях кабинета стоял мужчина. Высокий, с широкими плечами, заполнявшими проём почти целиком. Двигался он бесшумно, что особенно бросалось в глаза: деревянные полы в этом здании скрипели на каждой ступеньке, Ида лично убедилась в этом, когда поднималась сама.

Луч фонарика скользнул по его фигуре, выхватывая детали из полумрака. Лицо, которое трудно забыть: острые скулы, тонкий нос, черты, в которых было что-то неувлимо нездешнее, словно он принадлежал иному миру или иной эпохе.

Глаза синие, и даже в тусклом свете это было очевидно. Синие и какието сложные. Как код, который с первого взгляда не считывается: в них читалась глубина, расчёт, но и что-то ещё, что не поддавалось анализу.

Волосы удлинённые, влажные, видимо, дождь на улице усилился; среди тёмных прядей проглядывали пепельные нити, выбивавшиеся из любого привычного образа. Он выглядел так, будто намеренно избегал стандартов, не по протоколу, не по правилам.

На нём был расстёгнутый мотопиджак, тёмный и поношенный ровно настолько, чтобы выглядеть не ветхим, а своим, привычным. Рукава закатаны до локтей, и под ними проступали шрамы слегка красноватые, будто под кожей всё ещё тлел код, пульсировал, напоминал о себе.

Ида задержала луч фонарика на его руках, затем медленно подняла взгляд к лицу. Мужчина не отступал, не менял позы, стоял спокойно, почти расслабленно.

— Кто ты? — тон Иды был констатирующим, что ей нужна информация, без эмоций, без намёков.

— Дэн, — ответил он. — Старший группы специального назначения, переведён в ваш отдел.

Он улыбнулся краем рта, едва заметно. Ида не поняла, что именно в этой полуулыбке её раздражало — то, что она была, или то, что казалась уместной в этой напряжённой ситуации.

— Я не получала уведомления, — холодно заметила Ида.

— Оно придёт позже. Я решил, что мы можем начать прямо сейчас, — спокойно ответил Дэн.

Она продолжала холодно и пристально смотреть на него, сканируя каждую деталь: осанка прямая, но не напряжённая; руки расслаблены вдоль тела, без признаков готовности к атаке, взгляд открытый, но с едва уловимой хитринкой. Ничего лишнего. Ничего угрожающего.

— Что вы здесь делаете? — повторила она вопрос.

— Ищу то, что вы пропустили, — ответил он, делая шаг вперёд.

— Вы здесь не по протоколу, — подчеркнула Ида, не отступая.

— Так же, как и вы, — парировал Дэн. Он подошёл ближе, без резких движений, взял из её рук конверт и достал фотографию. — Вот зачем ты здесь.

Ида направила луч фонарика на фото.

Это была старая фотография, похожая на ту, что висела на её виртуальной доске, но с важными отличиями. Лаборатория, сложное оборудование на заднем плане массивные консоли, панели с индикаторами, кабели, тянущиеся вдоль стен. Несколько человек в белых халатах стояли в кадре, немного неловко, как обычно стоят те, кто не любит фотографироваться: кто-то чуть отвернулся, кто-то щурился от вспышки, один нервно поправлял рукав.

Её взгляд зацепился за мужчину в центре группы — её отец. Он стоял скрестив руки на груди, взгляд направлен в

объектив с выражением, которое Ида хорошо знала: смесь уверенности и скрытого вызова. Рядом, чуть позади стоял Воронов. Чуть позади, стоял ещё один человек. Его лицо было в тени, фигура слегка размыта, словно снимок сделали в движении, но что-то в позе, в повороте головы показалось ей до боли знакомым.

На её фото третьего не было.

— Воронов не просто видел код, — продолжил Дэн. — Он пытался его остановить. В тот день, когда ваша сестра перестала быть собой, он находился в лаборатории. И он знал, кто запустил код.

— Это есть в отчётах, — коротко ответила она.

— Это читается в ваших глазах, — возразил он. — Вы не спите, почти не едите, не даёте себе передышки. Двадцать лет вы ищете ответ. И вы знаете: Воронов был последним, кто мог назвать имя.

Она молча смотрела на него. Пульс зашкаливал, но лицо оставалось бесстрастным, ни единый мускул не дрогнул.

— Не стоит беспокоиться, — произнесла она ровным голосом.

Дэн едва заметно улыбнулся, лишь уголками губ. В этой улыбке таилась обезоруживающая сила.

— Я знаю, что вы отправились на встречу, — продолжил он. — Не передали координаты группе захвата. Ждали в пустом ангаре человека, который так и не пришёл.

— Это часть работы, — ответила она.

— Нет, это проверка, — мягко поправил он. — Вы проверяли, придёт ли он. А я проверял, придёте ли вы.

Она промолчала, но пальцы непроизвольно сжались в кулак.

— Ваш отец был гением, — сказал Дэн. — Он создал код, способный работать с нейронными расстройствами, восстанавливать связи, утраченные из-за травм. Прекрасная, благородная идея.

Ида попрежнему молчала.

— Но что-то пошло не так. Или, может, с самого начала всё было не так. Код начал делать обратное: не восстанавливать связи, а стирать их.

— Это предположение или у тебя есть доказательства?

— Пока лишь предположение — но с весомыми основаниями.

— Где эти основания?

— Их ещё нужно собрать. Поэтому я здесь. Воронов видел, как запустили этот код. Он знал, кто это сделал, — но в отчётах назвал лишь одно имя: Сергей Лёдов, ваш отец.

Ида не слушала. Её взгляд застыл на тени, на том, как Воронов стоит, чуть обернувшись, будто хотел что-то сказать, но не успел.

Она медленно подняла глаза и встретилась взглядом с Дэном. Пальцы так сильно сжали планшет, что края впились в кожу.

— Вы знаете, кто это? — спросила она.

— Я работаю над этим, — спокойно ответил он.

Она подняла глаза на него, Дэн смотрел спокойно, терпеливо, как человек, который никуда не торопится. В синих глазах было что-то, что она не сразу смогла определить. Возможно ли, что это было внимание? Пожалуй, слишком внимательно для человека, которого она видит впервые.

Ида направилась к выходу, он не пошёл за ней, остался в квартире. Она не обернулась.

В машине Ида сидела пару минут, не заводя двигатель.

Шрамы будто мерцали и дело было не в косметике. И не в импланте в привычном смысле: она хорошо знала, как выглядят стандартные нейроимпланты, однажды вела дело, связанное с ними.

Она завела двигатель.

В комплекс Ида прибыла в начале седьмого. Вокруг царила тишина. Охранники на входе давно привыкли к её внезапным визитам в любое время суток, а дежурный техник даже не поднял головы, когда она проходила мимо. Поднявшись на семнадцатый этаж, она направилась в отдел. Шеф уже ждал в её кабинете.

Виктор Анатольевич Смирнов, пятьдесят четыре года, два инфаркта, трёхлетний бракоразводный процесс. Он посмотрел на неё поверх очков.

— Ида Сергеевна, — произнёс он, — что на месте преступления?

— Воронов обнулён, — ответила она. — Код 7Ф стёр его

личность. Тот же почерк, та же подпись — «ТОК».

— Я читал отчёт, — Смирнов подошёл к окну. — Дело Воронова — часть старой цепи?

— Это её начало, — сказала Ида. — Или конец.

Он снял очки и устало потёр глаза.

— В ваше распоряжение поступает сводная оперативная группа. Прибудут завтра в девять утра.

— Я работаю одна.

— Это приказ.

Ида пристально посмотрела на него. Шеф не отводил взгляда.

— Кто? — коротко спросила она.

— Старший группы — Дэн Си. Опытный, с профильным образованием. Китайские корни, но вырос здесь. Учился за границей, стажировался в Европе, работал по особым поручениям в Азии. Безупречная биография. В группе также техники и аналитики — сильные специалисты.

Ида открыла папку. Фотография, дата рождения, список мест работы, наград, рекомендаций.

— Почему он здесь? — снова спросила она.

— Он отличный детектив, как и вы, — ответил Смирнов.

— Я сказал, что мне нужны только лучшие. Вот его и прислали.

Она подняла глаза. Начальник смотрел на неё спокойно, но в его взгляде читалось что-то новое, чего она раньше не замечала.

— Я справлюсь, — твёрдо произнесла Ида.

Смирнов долго смотрел на неё, затем молча кивнул и вышел.

Она подошла к окну и посмотрела на город. Небо отливало серо-синим, где-то внизу мелькали машины, люди спешили на работу, думали о будничных делах и потягивали кофе из бумажных стаканов.

Вернувшись к столу, Ида надела линзы. От фотографии протянулись сразу несколько нитей — словно следы, ведущие в разные стороны.

Она разбирала их осторожно, будто распутывала клубок: резко дёрнешь — запутается ещё сильнее. Одна нить вела к Воронову. Другая к отцу, но странно обрывалась, словно её обрезали. Так бывает, когда кто-то намеренно замечает следы.

Следующая нить указывала на человека с тенью.

Эта нить не обрывалась. Она слабо пульсировала и уходила дальше — за пределы того, что Ида могла охватить прямо сейчас. Живая нить. Третий человек был жив.

Ида сняла линзы и убрала фото в конверт.

Во втором часу дня Дэн вошёл без стука и сел напротив, положив на стол свою папку.

Ида не произнесла ни слова, лишь слегка приподняла бровь.

Он молча ждал.

Она бросила взгляд на папку, затем снова посмотрела на

него.

— Что вы нашли? — спросила она.

— Воронов запросил архивное дело за месяц до смерти,
— ответил Дэн. — Номер 1703. То самое, которое вы искали.

— Я знаю, — коротко бросила она.

— Но вы знаете, что в этом деле есть то, чего нет в отчётах?

Ида подняла глаза.

— Что именно?

— Запись, — пояснил он. — Ваш отец писал о комто, с кем работал.

Дэн развернул планшет. На экране появилась старая запись — рукописный текст. Ида сразу узнала почерк отца:

«Сегодня мы спорили. Он сказал, что я трус, и, возможно, он прав. Но я не могу позволить, чтобы код использовали против людей. Я должен его остановить или найти того, кто сможет».

Ида вглядывалась в эти строки. «Он». Кто-то, с кем отец работал. Кто-то, кто хотел использовать код во вред. Или тот, кого отец боялся.

— Кто это? — тихо спросила она.

— Не знаю, — признался Дэн. — Но Воронов знал. И тот, кто его обнулил, тоже знает.

Она внимательно посмотрела на него. В его глазах не было игры, только правда, которую ей было страшно принять.

— Почему вы здесь? — спросила Ида. — Почему помо-

гаете мне?

— Потому что я ищу то же, что и вы, — ответил он. — Того, кто делает людей пустыми. Того, кто двадцать лет назад уничтожил лабораторию. Того, кто вернулся.

— Зачем?

— Чтобы закончить то, что начал, — сказал Дэн. — Или чтобы встретиться с вами.

Ида промолчала. Пальцы невольно сжались на планшете. Шрам на безымянном пальце неприятно заныл.

Дэн встал и направился к двери, но на пороге остановился.

— Ида, — произнёс он.

Она подняла голову.

— Вы не одна. Запомните это.

— Это угроза или обещание? — уточнила она.

Он улыбнулся — той самой обезоруживающей улыбкой.

— Решайте сами, — бросил он и вышел.

В шесть вечера Ида закончила работу, но не потому, что выполнила всё задуманное. В какойто момент она осознала: уже сорок минут смотрит в один и тот же файл, но не замечает в нём ничего нового. Это был чёткий сигнал, когда перестаёшь видеть детали, пора остановиться.

Она достала из ящика стола сумку со спортивной формой. Спортзал располагался на первом этаже Комплекса, и Ида часто ходила туда после работы, когда нужно было сбросить напряжение.

Зал она не любила: слишком тесный, слишком низкий,

слишком чужой. Но сегодня он был необходим. Ей требовалось выложиться до предела, до темноты в глазах, до той грани, когда мысли физически перестают существовать.

Разминка, силовая тренировка, кардио. Тело двигалось на автомате, мышцы горели, пот струился по лицу, заливал глаза. Сто двадцать ударов в минуту. Сто тридцать. Сто сорок. Она тренировалась в полной тишине, без музыки, сосредоточившись только на дыхании и усилиях. Ровно через час остановилась.

Ледяной душ, быстрое переодевание, чёрная строгая рубашка, тёмный костюм. Волосы снова собраны в аккуратный пучок, ни один локон не выбился.

В зеркале отразилась женщина, которая давно научилась не чувствовать. Женщина, которая не позволяла себе эмоций уже двадцать лет.

Глава 3

Ида подъехала к комплексу в 6:23. В этом не было необходимости, просто оставаться дома было невыносимо, да и тратить на это время казалось бессмысленным.

На семнадцатом этаже в этот час было тихо. Дежурный техник лишь мельком взглянул на неё сквозь стекло, без тени удивления. Охранник на входе давно перестал задавать вопросы: он уже не пытался выяснить, почему следователь Лёдова приходит раньше всех, а уходит позже остальных.

Ида прошла в отдел, направилась в общий зал и достала из конверта фотографию. Код 7Ф вернулся после двадцатилетнего молчания. Теперь её отдел перестал быть только её вотчиной, придётся работать в группе. Она не привыкла к этому, но, возможно, так будет лучше.

Осмотрев стол перед экраном, Ида расставила стулья и мельком изучила личные дела членов команды.

В 8:09 она уже стояла у колонны у дальней стены, скрестив руки, и терпеливо ждала.

Зал оставался пустым. Мониторы тихо гудели, постепенно переходя в режим ожидания. Лишь главный экран продолжал светиться, демонстрируя фотографию, найденную в квартире Воронова.

Ида взгляделась в лица, которые знала наизусть. Её ещё молодой отец, полный сил. Рядом Воронов: он смотрел в ка-

меру без тени страха. И ещё тень в углу: размытое пятно, этот человек явно не хотел оказаться на снимке.

К девяти утра зал отдела «Кибер-Алхимия» был полон.

Ида стояла в тени колонны и наблюдала. Новые лица появлялись одно за другим, осторожно оглядывались, привыкая к холодному синему свету, к мониторам, растянувшимся вдоль всей стены, к гнетущей тишине, давившей на уши.

Первым вошёл Миша — Михаил Григорьевич Соболев.

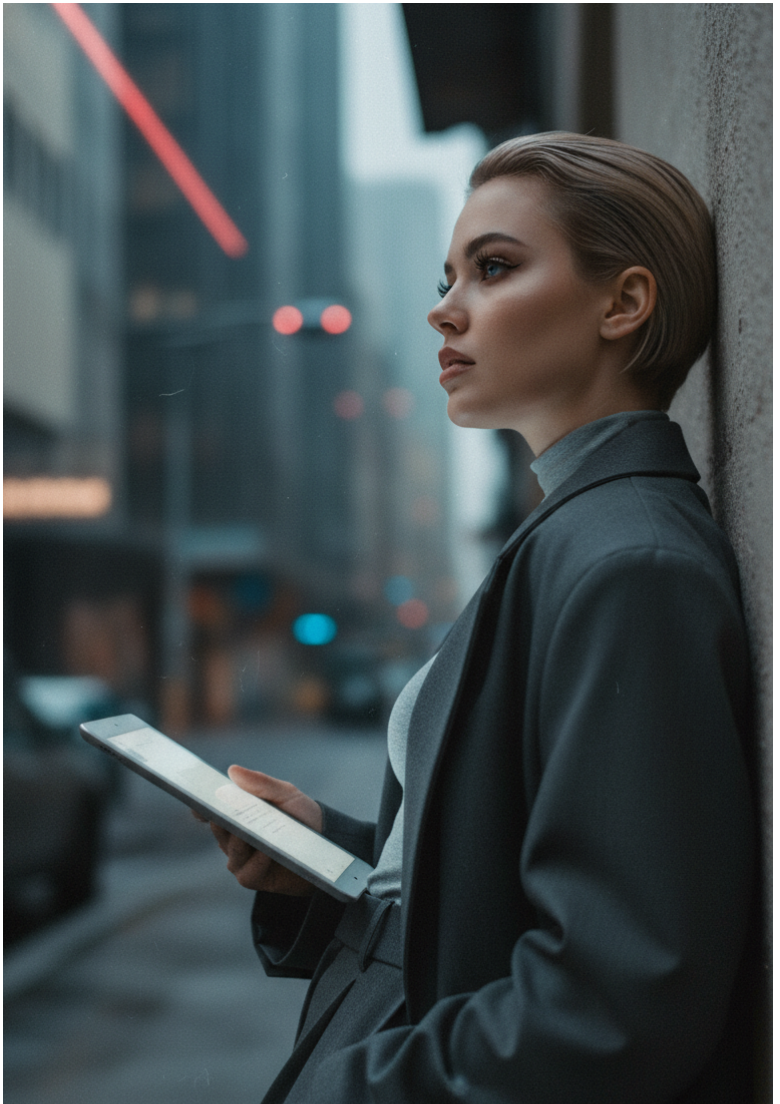
Он буквально ворвался в дверь раньше, чем Ида успела его как следует разглядеть. На вид ему было не больше двадцати пяти. Волосы взлохмачены так, будто он забыл, что их вообще нужно причёсывать. Взгляд метался: от монитора к доске, к потолку и снова к монитору.

Миша тут же подскочил к ближайшему технику и принялся его расспрашивать, он сыпал вопросы один за другим, не дожидаясь ответов. Техник уставился на него с видом человека, которого только что разбудили посреди ночи.

Ида внимательно следила за руками Миши. Они говорили куда больше, чем лицо. Он трогал всё, до чего мог дотянуться: угол стола, провод от монитора, стопку бумаг. Чтото нечаянно задел и отключил, тут же поспешно включил обратно, правда, немного не так, как было.

«Нервный», — первое слово, пришедшее ей на ум. Но нервозность бывает разной: от страха, от неуёмного любопытства или от отчаянной попытки притвориться кемто другим. Ида не торопилась с выводами.

Второй была Лена — Елена Павловна.

Тихая, почти незаметная, она вошла в зал в сером пальто. Пшеничные волосы были плотно зачёсаны назад, никаких украшений — ни брошки, ни серёжек, ни кольца. В отличие от Миши, она не оглядывалась по сторонам, не искала, куда бы присесть. Просто прошла к окну и встала там — почти вплотную к стеклу, устремив взгляд вниз, на раскинувшийся город.

Ида сосредоточилась на её руках.

Пальцы Лены тихо отстукивали по подоконнику ритм — едва слышно, но чётко, безошибочно узнаваемо. Это был мотив, который крутили по радио двадцать лет назад. Ида вдруг вспомнила: эту песню обожала её сестра.

Она резко оборвала воспоминание, не позволив себе погрузиться в прошлое. Просто отметила про себя этот факт — как ещё одну деталь в мозаике, которую пыталась собрать.

Третьим вошёл Олег — Олег Иванович Смирнов.

Пожилой техник с бесцветными, усталыми глазами — такими, какие появляются после многих лет работы с чемто тяжёлым, выматывающим душу. Ноутбук он прижимал к груди, словно это была не техника, а опора, без которой он не представлял, куда себя деть. Не поздоровавшись ни с кем, Олег сразу сел за стол.

Несколько раз его взгляд на пару секунд задерживался на одном из помещений, будто чтото в той стороне притягивало его внимание, а затем снова опускался к столу.

Ида уже видела такое раньше — у тех, кто работал рядом с кодом 7Ф и чудом выжил. Это напоминало побочный эффект: едва заметный, но неизгладимый след пережитого.

Она уже собиралась выйти из тени, чтобы представиться, когда в зале появился четвёртый член команды.

Дэн — Дэн Си.

Он шёл спокойно, не быстро и не медленно, в том размеренном ритме, который словно говорил: «Я точно знаю, куда иду, и никуда не тороплюсь». Тёмный пиджак был расстёгнут, а волосы чуть длиннее положенного, но это выглядело не небрежностью, а осознанным выбором, своего рода позицией.

Дэн остановился у главного наблюдательного пульта, слегка наклонился к технику и что-то тихо произнёс — Ида не расслышала слов. Техник кивнул, тут же принялся переключать экраны, и один за другим они оживали, заполняя зал приглушённым светом данных.

Дэн попрежнему не смотрел в её сторону. Но Ида отчётливо понимала: он точно знает, где она стоит.

— Ида Сергеевна, — произнёс он, не оборачиваясь, — мы вас ждали.

Она вышла из тени и направилась к столу. Коллеги невольно расступились, освобождая ей путь.

— Начнём, — коротко сказала Ида.

Она никогда не садилась на разборах — это стало негласным правилом ещё с первых лет работы в ведомстве. Стоя, ты контролируешь пространство, держишь ситуацию в руках, видишь каждого.

Дэн обернулся и их взгляды встретились на долю секунды. Короткий кивок, без лишних жестов. Ничего показного, но напряжение между ними словно сгустилось.

Ида подошла к главной доске и указала на фотографию.

— Дело Воронова, — начала она ровным, чётким голосом, без пауз и колебаний. — Андрей Михайлович, пятьдесят два года, биофизик, специалист по нейроинтерфейсам. Работал в лаборатории двадцать лет назад. Был свидетелем того, как код «ТОК» запустили в первый раз. Молчал двадцать лет. Его нашли в собственной квартире: глаза открыты, признаки жизни налицо, все физиологические функции в норме. Но код «ТОК», версия 7Ф, стёр его личность. Полностью.

Она развернулась к команде. Серые глаза неторопливо скользнули по лицам — по Мише, нервно теребящему край рукава, по Лене, застывшей с непроницаемым выражением, по Олегу, который чуть приподнял голову от ноутбука, и, наконец, по Дэну. Тот смотрел прямо, спокойно, будто заранее знал всё, что она скажет, но ждал.

В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мониторов и отдалённым эхом шагов за стеной.

— Код 7Ф, — продолжила Ида. — Он не использовался двадцать лет. Это не новый автор. Тот же стиль, та же структура, та же едва заметная подпись «ТОК» — тонко вплетённая, как и двадцать лет назад.

— Зачем «ТОК» вернулся? — спросил Миша, слегка подавшись вперёд. — Если он молчал два десятка лет, почему решил выйти на свет именно сейчас?

— Чтобы закончить начатое, — ответил Дэн, не отрывая

взгляда от доски. — Или чтобы встретиться с той, кто его ищет.

Он посмотрел на Иду. Она не отвела глаз — между ними промелькнуло что-то невысказанное, короткое, как разряд тока.

Ида перешла к следующему слайду.

— Это ваш отец? — тихо спросила Лена, вглядываясь в фотографию.

— Да, — коротко ответила Ида.

— А это? — Миша указал на размытую тень в углу снимка. — Кто это?

— Выясняем, — повторила Ида.

— Мы выясним, — впервые за всё время подал голос Олег. Его слова прозвучали тихо, устало, почти без интонации. Он так и не поднял головы от ноутбука.

Ида задержала на нём взгляд на секунду, затем снова повернулась к доске.

Она надела линзы и вывела изображение на общий экран. Перед командой возникла сложная паутина происшествия: светящиеся нити, узлы связей, тёмные провалы там, где след обрывался. Для остальных это выглядело как абстрактная схема, но для Иды — как живая карта событий.

Она протянула руку и коснулась голографической проекции. Нити дрогнули, потянулись к её пальцам, словно живые, и слегка обвилились вокруг запястья.

— Вот что осталось от Воронова в системе, — произнесла

она. — Видите этот узел? Здесь он работал последние три недели. Запрашивал архивные дела — систематически, по ночам. Чтото искал.

— Нашёл? — быстро спросил Миша.

— Точно не известно, — ответила Ида, не отрывая взгляда от проекции. — Но его поиски привлекли внимание кода. И код стёр его личность.

В зале повисла тяжёлая тишина.

— Он запросил архивное дело за месяц до смерти. Номер 1703, — она сделала паузу, взгляд скользнул по лицам команды. — То самое, что я искала двадцать лет.

Никто не спросил, почему она его искала. Дэн сосредоточенно изучал схему на экране, будто пытался прочесть между линий скрытый смысл. Лена попрежнему смотрела в окно, но пальцы её непроизвольно сжимались и разжимались на планшете. Олег, не поднимая головы от ноутбука, замер на мгновение — лишь на миг, но Ида это заметила.

Миша нарушил тишину:

— Что в деле 1703?

— Этого мы пока не знаем, — ответила Ида ровным голосом. — Дело засекречено. Работаем над получением доступа.

В зале повисла напряжённая тишина. Миша, затаив дыхание, вглядывался в схему, словно надеялся разглядеть в ней ответ. Лена сжала пальцы на планшете так, что костяшки побелели. Олег наконец поднял голову от экрана — всего на

секунду — и тихо произнёс, снова опуская взгляд:

— Мы узнаем.

Тишина снова окутала комнату, нарушаемая лишь тихим гулом оборудования и отдалённым эхом шагов за стеной.

— Дело Воронова — наша главная цель, — продолжила Ида твёрдо, возвращаясь к сути. — Но есть три параллельных расследования, которые могут быть связаны с «Током».

Она коснулась доски — и схема мгновенно изменилась. На экране появились три новых блока, нити перестроились, потянулись к трём точкам на карте города, засветившись тревожным синим светом.

— Первое — взлом системы безопасности городского банка. Код, который использовали хакеры, похож на тот, что мы видели в деле Воронова. — Она посмотрела на Мишу. — Ваше.

Он был серьёзен, без привычной суеты.

— Второе — исчезновение трёх человек из реабилитационного центра. Все они были жертвами нейро-вирусов. Все подключены к платформе «Глубокий код». — Ее взгляд повернулся к Лене. — Ваше. Жертвы «Глубокого кода» либо исчезли, либо молчат. Кто-то замёл следы.

Та кивнула.

— Третье. Финансовые потоки корпорация «Нейро-Интеграция». Двадцать лет назад они финансировали лабораторию. Нужно понять, кому было выгодно, чтобы Воронов замолчал. — Она повернулась к Олегу.

Он кивнул, не поднимая головы.

— Эти дела могут вести к одному центру, — сказала Ида.

— Или к одному человеку. Мы будем работать по всем направлениям одновременно.

— Дэн и я работаем над делом Воронова, — сказала она.

— И над тем, что он пытался найти.

Дэн не прокомментировал. Просто смотрел на схему.

Она сняла линзы и нити погасли.

Час спустя отдел наполнился тем особым шумом, который бывает только в начале сложного дела: когда никто ещё не понимает, за что хвататься, и потому хватаются за всё сразу.

Миша одновременно звонил кому-то и листал ленту на планшете, пальцы мелькали с лихорадочной скоростью, брови то и дело хмурились. Лена работала почти бесшумно: изредка делала пометки от руки, и Ида краем глаза замечала, что почерк у неё мелкий, чёткий, идеально ровный, будто вычерченный по линейке. Олег не отрывался от ноутбука: лишь изредка менял угол экрана, чуть поворачивая его к свету, и беззвучно шевелил губами, проговаривая что-то про себя.

— Я проверил дела, о которых вы говорили, — сказал Миша, разворачивая планшет к команде. — По реабилитационному центру есть кое-что интересное. Жертвы — молодые люди от двадцати до тридцати лет. Все имели нейроимпланты последнего поколения

Ида не повела и бровью, хотя для неё это было неожидан-

но. Она не замечала этой связи раньше.

— Хорошая работа, — коротко похвалила она.

Миша просиял. На мгновение он словно сбросил годы: стал мальчишкой, который нашёл то, что искал. Но тут же спохватился и одёрнул рукав, крепче сжал планшет, стараясь вернуть серьёзное выражение лица. Не удержавшись, добавил:

— И все они подключились к одному каналу! «Глубокий код» — платформа, обещавшая полное погружение

— Это было в отчёте, — перебила Ида спокойно. — Страница три, раздел «Общие данные».

Он покраснел и отвёл взгляд. Зашелестел страницами, лихорадочно ища подтверждение её слов.

Ида наблюдала за ним и мысленно подводила итог: не преступник. Слишком нервный, слишком открытый, слишком легко выводимый из равновесия. Такой не сможет годами скрывать правду и сломается на первом же серьёзном допросе. Зато он умеет искать, умеет замечать детали, пусть пока и не всегда видит общую картину.

В зале снова зазвучали голоса: Лена что-то тихо уточняла у техника, Олег бормотал себе под нос формулы, а Миша, справившись с замешательством, снова уткнулся в планшет, уже с удвоенным упорством. Работа набирала обороты.

— Платформа «Глубокий код» была заблокирована три месяца назад, — продолжила она, обращаясь ко всем. — Но код, который использовался в ней, продолжает жить. Он му-

тирует. Переходит из системы в систему. Находит новые носители. Новые жертвы.

— Это невозможно, — возразил Миша, уже забыв о своей оплошности. — Код не может мутировать сам. Это требует вмешательства.

— Именно, — сказала Ида. — Кто-то поддерживает его жизнь. Кто-то, кто знает каждую строчку, каждую переменную, каждую уязвимость.

Она обвела взглядом группу. Задержалась на лице Дэна.

Он сидел неподвижно, сложив руки на столе, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. Это не было удивлением или восхищением, ему это было не нужно. Что-то, от чего внутри неё шевельнулся тот самый лёд, который она считала вечным.

— Вы уже знаете, кто это, — сказал он.

— Я знаю, что он оставляет метку: «ТОК». Его подпись везде. В каждом деле, в каждом коде, в каждом глазе, который смотрит в никуда.

— Тогда чего вы ждёте? — спросил Миша.

Она спокойно посмотрела на него.

— Доказательств, — ответила она. — Улик. Имени. Лица. Я не охочусь на призраков.

Спустя ещё час Дэн поднялся и подошёл к столу Иды. Ида сидела за столом и работала над делом «Алхимик».

Дело только что передали из соседнего отдела, там оно пылится с прошлой недели. Сюжет классический: похищены

алгоритмы из закрытой лаборатории. Трое подозреваемых, и у каждого безупречное алиби. Ничего необычного.

Ида подняла взгляд. Он стоял напротив, небрежно опираясь на спинку стула, и смотрел на неё с ленивым спокойствием, так смотря на то, что уже принадлежит тебе.

— «Алхимик», — сказал он.

— Изучаю.

— Три подозреваемых. Алиби у всех. Взлом произошёл изнутри, — сказал он.

— Это не тот, кого подозревают, — сказала она.

— Согласен, — кивнул он.

— Технический директор, — сказали они одновременно.

— Доступ выше, чем у администратора. И алиби, которое никто не проверял.

— При этом у него самое плотное алиби, — ответила она.

— А чем плотнее алиби, тем больше над ним работали.

Дэн чуть наклонил голову. Она не могла определить, это было одобрение или просто интерес.

— Финансирование лаборатории происходило через аффилированную структуру, — сказал он. — Вот здесь. — Он повернулся к ее планшету. — Технический директор подписывает сделки. Не как уполномоченное лицо — как государственное. Личная подпись.

Она посмотрела на подпись и снова на него.

— Он не просто работал в лаборатории, — сказала она.

— Он финансировал ее из своих денег.

— Частично.

— Значит, он не просто прикрывал кражу. Он открыл то, что внутри алгоритмов.

— Именно.

Они смотрели друг на друга секунду. Потом она достала телефон и начала собирать порядок задержания.

Это заняло минуты четыре. Дэн молчал всё это время.

Она отправила заказ.

— Готово, — сказала она.

— Быстро, — сказал он.

— Люблю простые дела.

— Это было не простое дело.

— Теперь простое.

Он улыбнулся уголком рта. Она отвела взгляд.

— Тебе не нужно всё делать одной, — сказал он. — Теперь я здесь.

И вышел. Она смотрела на закрытую дверь. На папку с делом. На свои руки, которые слегка дрожали.

К шести вечера команда разошлась.

Миша ушёл первым, на ходу что-то дожёвывая и одновременно читая сообщения. Лена аккуратно собрала вещи, застегнула пальто на все пуговицы, на прощание пожелала «хорошего вечера», что, кажется, никому конкретно не предназначалось. Олег немного задержался, но в итоге тоже поднялся, взял ноутбук под мышку и ушёл молча.

Ида уже диктовала приказ о задержании технического ди-

ректора по делу «Алхимик», когда дверь снова открылась.

Дэн вошёл без стука. Это она уже приняла как данность. Сел напротив и положил на стол планшет.

Она не остановила диктовку. Закончила, отправила, только потом подняла на него взгляд.

Дэн молча ждал. Большинство людей не умеют молчать, начинают нервничать, говорят лишнее заполняя тишину. Дэн был спокоен и это делало его неудобным собеседником.

— Что это? — спросила она, не поднимая глаз.

Он включил планшет, на экране был фрагмент кода — небольшой, несколько строк.

— Посмотри, — сказал он. — Просто посмотри.

Она посмотрела.

Код был из дела Воронова. Она видела его и раньше, увеличенного размера, но ничего нового. Но сейчас что-то в ней отреагировало иначе, она успела понять, что именно.

— Что именно ты хочешь, чтобы я увидела? — спросила она.

— Ты уже видишь, — ответил он. — Просто не признаёшься. Ты знакома с кодом, которым написан «ТОК». Это не просто знание. Это понимание на уровне интуиции. Такое бывает, если человек писал его сам. Или если он был жертвой.

Он смотрел на неё с тем же ленивым спокойствием, но в глубине его глаз мерцало что-то тёмное. Опасное.

— Вы знали его до того, как он убил вашу сестру, — ска-

зал он. — Или после. Но вы знали.

— Вы обвиняете меня? — спросила она. Голос не дрогнул.

— Я задаю вопросы, — ответил он. — Это моя работа.

— Ваша работа — помогать мне.

— Моя работа — найти правду, — сказал он. — Даже если она там, где её не ждут.

Она смотрела на него. На его спокойное лицо. На планшет с её досье. На свои руки, которые не дрожали.

— Вы хотите знать, причастна ли я к смерти своей сестры? — спросила она.

— Я хочу знать, что вы скрываете, — ответил он.

Ида встала из-за стола и подошла к окну. Город внизу горел тысячами огней, реклама нейроинтерфейсов на торцах зданий, синие полосы трамвайных маршрутов, красные точки машин. Красивый город. Иногда она забывала об этом.

— Я скрываю то, что не даёт мне спать по ночам, — сказала она, не оборачиваясь. — Я скрываю то, что сделала бы всё иначе, если бы могла вернуть время. Я скрываю то, что двадцать лет ищу человека, который забрал у меня сестру, и боюсь, что, когда найду, не смогу ничего сделать.

Она замолчала, в её планы не входило это признание. Она умела держать язык за зубами, умела дозировать информацию и выдавать только то, что выгодно. Но что-то в этой комнате, в этом человеке, в этой тишине заставило её сказать больше.

За окном кто-то включил рекламу над соседним кварталом, и по стеклу загорелась синяя вспышка.

— Достаточно? — спросила она.

Она услышала, как он встал и прошёл к ней. Он подошёл и остановился за её плечом, она чувствовала это, не видела, просто чувствовала изменение в пространстве, то же самое, что уже было в квартире Воронова. Что-то, что нельзя объяснить через протокол.

— Я думаю, что вы боитесь другого. Вы боитесь, что когда найдёте его, измените своё мнение о нём.

И вышел.

Она осталась одна. Смотрела на город. Слышала, как бьётся её сердце. Сто сорок ударов в минуту.

Она стояла у окна ещё минуты три. Смотрела вниз. Ни о чем конкретном не думала, просто смотрела.

Потом вернулась к столу. Сняла пиджак, повесила на спинку стула, ослабила волосы, надела линзы и раскрыла паутину.

Нити заняли весь воздух перед ней. Она сидела в центре этой конструкции, медленно разбирая узлы. Нить к отцу, нить к Воронову, нить к третьему человеку. Нить к делу 1703, которое пока не открылось. Нить на платформе «Глубокий код», которая тянулась в дело Лены. Нить к корпорации «Нейро-Интеграция».

И ещё одна нить, которой раньше не было.

Тонкая. Почти прозрачная. Она тянулась не к месту на

карте и не к базе данных. Она тянулась в ту сторону, куда только что ушёл Дэн. Ида долго смотрела на нее И наконец-то подошла ближе. Протянула руку. Нити потянулись к ней, обвили пальцы, и в этот момент в центре паутины что-то изменилось. Один из узлов вспыхнул ярче. В центре паутины мелькнуло лицо. Знакомые черты. Прямой взгляд. Человек, которого она не видела двадцать лет, и думала иногда по ночам, или не думала, или запрещала думать себе.

Отец.

Ида не дышала.

Лицо держалось секунду, может две и растворилась в мигающем свете.

Она рванула линзы. Шрам на пальце горел. Она не сказала ни слова.

Глава 4

Ида вела машину медленнее, чем обычно. Сегодня ей хотелось просто смотреть на мир. Она двигалась без цели и спешки, позволяя городу раскрывать перед ней свои тихие, незаметные стороны.

Она замечала мелочи, которые обычно ускользали от внимания: редких прохожих, бредущих к метро в этот ранний час и поплотнее натягивающих воротники; дворника в оранжевом жилете, он упорно сгонял листья от подъезда, хотя знал: через час ветер снова набросает их сюда; девочку лет восьми, весело размахивающую рюкзаком, будто весь мир одна большая игра.

Чёрный матовый «Снегирь» скользил мимо, почти бесшумно, словно не нарушая утренней тишины, а вплетаясь в неё.

Ида любила ранние часы за одно: мир ещё не включился на полную мощность и можно было увидеть город таким, какой он есть.

Она потянулась к панели и включила музыку.

Бетховен, Седьмая симфония, вторая часть. Ида поставила её почти машинально, послушала минуту и выключила. Слишком спокойно. Не то.

Переключила на тяжёлое техно с жёсткими ударными. Три минуты она ехала, чувствуя, как ритм отдаётся в рёбрах,

пульсирует в висках. Но и это не помогло, выключила звук.

Тишина.

За стеклом проплывал город. На боку автобуса мелькнула реклама нейроинтерфейсов: девушка с золотистыми линзами и слоганом «Ты видишь больше». Ида смотрела прямо перед собой, но видела не дорогу, а цепочку мыслей, которая не отпускала её с самого утра.

Дэн закрыл дело «Алхимик» невероятно быстро. Эта мысль преследовала её с пробуждения: когда она вставала с постели, чистила зубы, завязывала шнурки, шла к парковке. Слишком быстро. Слишком гладко. Что он знает? Что скрывает? И почему именно сейчас?

Такое случается: профессионалы с хорошей подготовкой нередко приходят к одному и тому же ответу независимо друг от друга. Это говорит о чёткости мышления, о выстроенной логике, о понимании сути проблемы.

Но бывает и иначе.

Бывает, когда человек знает ответ заранее и просто идёт к нему, создавая видимость поиска. Делает нужные шаги, задаёт правильные вопросы, но не ищет, а подтверждает.

Ида остановилась на красный сигнал светофора. Пешеходы неторопливо переходили дорогу. Мальчик лет двенадцати тащил за собой чемоданчик на колёсиках и жевал что-то, не отрываясь от телефона. Его рюкзак подпрыгивал на спине, а взгляд был полностью поглощён экраном, весь его мир сузился до светящегося прямоугольника.

Если Дэн знал ответ заранее, то откуда?

Загорелся зелёный. Она плавно тронулась с места.

Комплекс в полседьмого утра казался другим, хотя всё оставалось на своих местах: та же стойка охраны, те же мониторы в холле, те же коридоры. Но звуки изменились: меньше голосов, больше эха, шаги отдавались гулко, почти торжественно. Ида любила это время по тем же причинам, что и утренний город за окном, здесь ещё не включился режим «на полную мощность», не началась суета, не заработала машина чужих ожиданий.

Она поднялась на свой этаж и сразу прошла в общий зал, не заходя к себе.

Зал был пуст. Мониторы в режиме ожидания, синий свет на главном экране, схема дела Воронова висела там, где она ушла вчера вечером. Паутина светилась, слегка мигая.

Ида просто смотрела на схему без линз, без магии. Иногда полезно видеть именно так, без усиления. Видишь не связь, а форму.

Она стояла и думала о том, как Дэн произнёс «технический директор» одновременно с ней. О том, как он потом сидел и молчал, пока она оформляла протокол. О шрамах на его предплечьях, которые выглядели не как обычные шрамы.

— Ты здесь.

Она не обернулась, просто сказала:

— Я слышала шаги в коридоре.

Дэн вышел из тени колонны. Ида не знала, когда он во-

шёл в зал, не услышала ни шагов, ни шороха. Он появился так бесшумно, будто всегда был здесь, просто ждал момента стать видимым.

На нём была чёрная рубашка, рукава закатаны до локтя, обнажая предплечья. На коже проступали тонкие шрамы, красноватые линии, расположенные слишком упорядоченно, чтобы сойти за случайные ожоги. Они шли параллельными полосами, чуть изгибаясь вдоль мышц, словно следы от чего-то технологичного, а не бытового. Возможно, последствия работы с нейроинтерфейсами или следы давнего инцидента с кодом.

Ида невольно задержала взгляд на этих шрамах. Они не выглядели как увечье, скорее как метки, знаки пройденного пути. В них читалась история, которую Дэн не спешил рассказывать.

— Вы боитесь, что я узнал что-то ещё?

— Я не боюсь ничего, что вы можете узнать, — ответила она, не отворачиваясь от схемы. — Я боюсь, что вы узнаете то, нет чего.

Он подошёл и встал рядом, не сбоку, чуть за плечом. Близко. Она не двинулась.

— Что значит «то, чего нет»?

— Некоторые люди ищут виновного, — сказала она. — И находят, но не потому, что он там есть.

— А если есть? — Он склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное. — Если вы забыли то, что

знали? Или то, что сделали?

Она смотрела на него не моргая. Сто двадцать ударов в минуту. Ровно.

— Я ничего не забыла, — сказала она. — И ничего не делала.

Он улыбнулся одними уголками губ. Той самой улыбкой, которая могла разоружить. Встал так, что его плечо почти касалось её плеча. Она чувствовала тепло его тела.

— Красивая сеть, — сказал он, глядя на схему. — Вы ткёте её вручную?

— Алгоритмы не видят то, что между строк, — ответила она. — Я вижу.

— Я заметил, — сказал он. — Вы видите всё. Кроме себя. Она не ответила. Только усилием воли заставила пальцы не дрожать.

— Что конкретно я не вижу?

— Каждый раз, когда ты приближаешься на один шаг, что-то идёт не так. Улики ведут в тупик. Свидетели молчат или умирают. Ты уверена, что действительно хочешь его найти? Воронов мёртв. Лаборатория закрыта. Дело 1703 засекречено. Двадцать лет, Ида. Кто-то очень аккуратно убирает с вашего пути всё, что может привести к ответу.

Она смотрела на него. В зале было тихо, только гудели мониторы.

— Вы обвиняете меня, — сказала она. Не спросила.

— Я спрашиваю, — ответил он. — Ваш отец был там. Ваш

отец написал код. Вы это знаете. И вы знаете, что он мог быть тем, кто запустил его первым. Тем, кто уничтожил вашу сестру.

Она не отступила.

— Вы закончили? — Спросила она — Теперь мой черёд.

Она шагнула к нему, не думая о расстоянии.

— Вы знали его, — сказала она, поднимая руку. Пальцы медленно легли на его грудь. Она чувствовала, как под тканью рубашки бьётся сердце. Сто сорок ударов. Ровно столько, сколько и у неё прямо сейчас.

— Знал, — ответил он. Не отступил и не убрал ее руку.

— Вы могли написать этот код.

— Мог.

— Вы его написали.

Он молчал. Смотрел на нее так, как будто видел впервые.

— Если бы вы его написали, — продолжила она, пальцы сжались на его груди, чувствуя тепло под холодной тканью, — вы бы закончили начатое. Код продолжает жить, значит кто-то поддерживает его. Или...

Она замолчала глядя в его синие, тёмные глаза.

— Или вы ждёте, — продолжила она. — Ждёте, когда я найду его. Когда приведу к вам. Когда сделаю всю работу за вас.

— Зачем мне это? — спросил он.

— Затем, что вы не можете убить его сами. Затем, что он нужен вам живым. Затем, что вы...

Она не договорила. Потому что в следующий миг его руки обхватили её талию, разворачивая, прижимая к столу. Край стеклянной столешницы врезался в поясницу, его лицо, искажённое чем-то, может яростью или желанием. — Вы играете с огнем, — сказал он.

— Нет, — спокойно ответила она. — Я собираю доказательства.

Что-то в его взгляде изменилось.

— Доказательства чего?

— Того, что вы не тот, за кого себя выдаёте, — сказала она. — Того, что вы ищете того же, кого ищу я. Того, что вы готовы на всё, чтобы его найти.

Пауза.

— И ещё одно, — добавила она. — Что вы носите ту же боль, что и я.

Что-то изменилось в нём на секунду. Всего лишь на долю секунды он перестал быть тем спокойным, непроницаемым человеком, каким его всегда видели. Скулы стали ещё острее. Только глаза остались живыми, синими, полными того, чего она боялась прочитать.

Она не убрала руку с его груди.

— Я не писала этот код, — тихо сказала она. — Я не убивала свою сестру. Я был в школе. На уроке литературы. Мы читали Блока. «Незнакомку». Я помню каждое слово. Помню, как вошла учительница и сказала: «Ида, тебя вызывают».

Я помню, как бежала по коридору. Как держала её за руку и обещала, что найду того, кто это сделал.

Она дышала ровно, намеренно ровно.

— Я ищу двадцать лет, — сказала она. — И если вы встанете на моём пути, я уничтожу вас. Не кодом. Не оружием. Правдой.

Он смотрел на неё очень долго.

— Вы не ошиблись, — сказал он наконец. — Ни в чем.

Она убрала руку.

Он отошел.

Между ними снова было расстояние. Но воздух всё ещё хранил ту близость. Она вернулась к схеме и услышала, как он прошёл к выходу. Как дверь закрылась.

Пальцы разжались. Шрам на безымянном горел.

Сто сорок ударов в минуту.

К девяти часам зал заполнился.

Ида работала с файлами реабилитационного центра и не поднимая взгляда.

Миша ввалился в двадцать минут девятого, с рюкзаком через одно плечо и планшетом в другой руке, что-то дочитывая на ходу.

Лена пришла, тихо, как всегда, так, что Ида заметила ее, уже сидящую у окна.

Олег появился последним. Прошёл к своему рабочему месту, не здороваясь.

Дэн вошёл ровно в девять, с чашкой чёрного кофе в руке.

Сел напротив нее, не прямо за столом, чуть наискосок, как всегда. Закинул ногу на ногу. Выражал спокойствие и расслабленность.

— Начнем, — сказала Ида.

Она вывела на доску схему, нити потянулись к углам комнаты.

— Лена, — сказала Ида. — Что по реабилитационному центру?

Та открыла планшет.

— Три исчезнувших. Все трое прошли реабилитацию в одном корпусе. Разные врачи, разные даты выписки, но один корпус, один протокол. — Лена говорила ровно, будто читала по листу, только листа не было. — Все трое получили приглашение на повторные исследования за месяц до отравления.

— Откуда пришло приглашение? — спросил Дэн.

— С официального адреса центра, — ответила Лена. — Но когда я проверила отправку, письмо ушло не из системы центра. Оно пришло снаружи с адреса, который имитировал внутренний сервер.

— Кто-то знал внутреннюю структуру системы, — сказал Дэн.

— Именно, — ответила Ида.

— Ида Сергеевна! — Миша поднял руку. У него было такое лицо, когда он нашёл что-то важное. Почти мальчишеское. — Я нашёл кое-что. Кто-то заходил в центр под учёт-

кой медсестры, которая уже полгода в декрете. Тот же логин использовался три года назад. Но не в центре.

Он вывел на экран данные.

— В лаборатории, где...

Он осёкся на Иду, она смотрела на экран, где высветилось название центра. Там где двадцать лет назад работал её отец.

— ...там проводили эксперименты по нейроинтеграции, — закончил Миша. — Те же алгоритмы, что и в «Глубоком коде». Я проверил структуру, там совпадение около восьмидесяти процентов.

В зале стало тихо.

— Значит, тот, кого мы ищем, знает систему изнутри, — сказал Дэн. — Он работал там или работает сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.